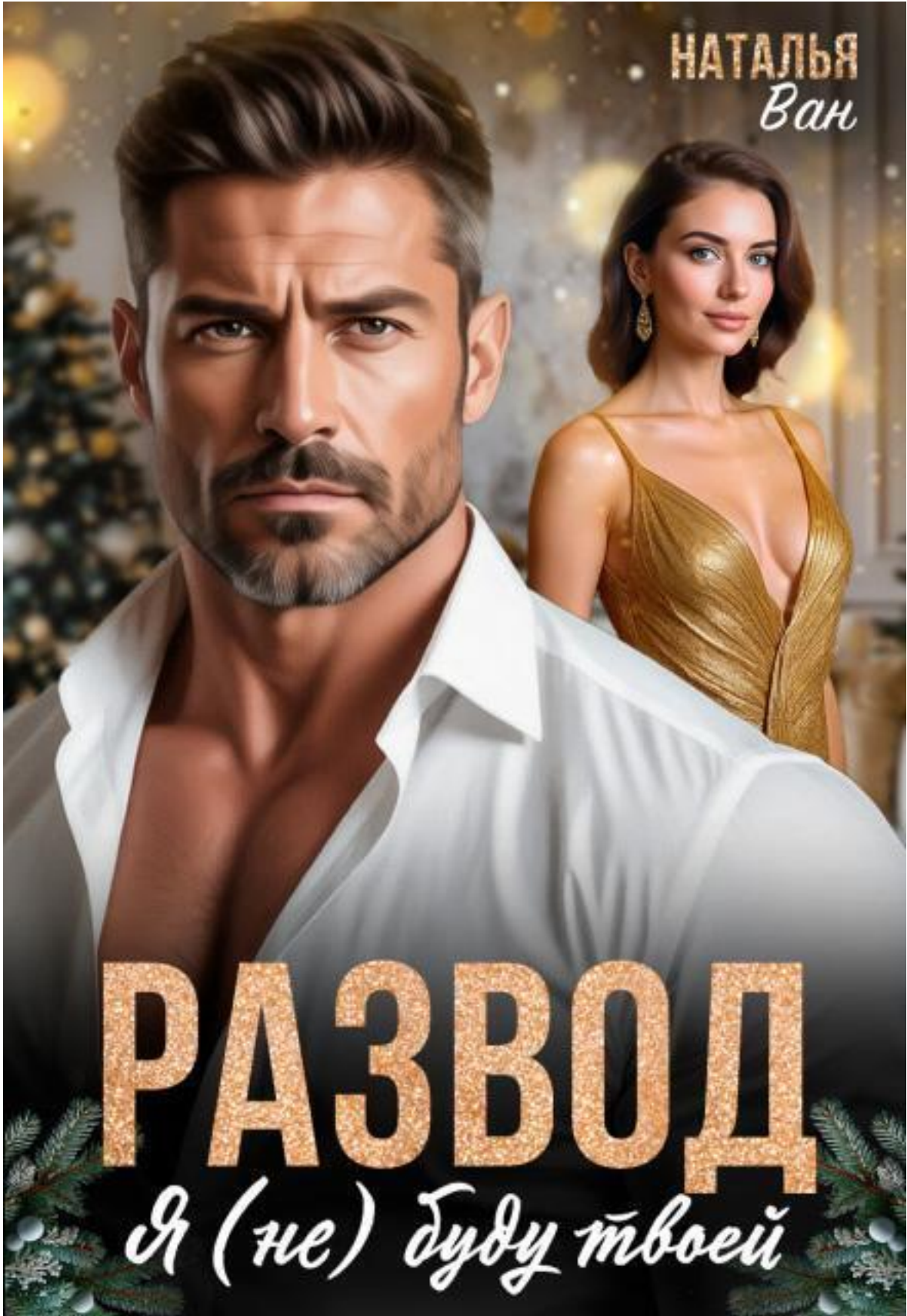

НАТАЛЬЯ
Ван

РАЗВОД

Я (не) буду твоей

Наталья Ван

Развод. Я (не) буду твоей

«Литнет»

2025

Ван Н.

Развод. Я (не) буду твоей / Н. Ван — «Литнет», 2025

— Тест? Ты беременна? — радость за сестру захлестывает меня с головой.
— Ты все же решилась на ЭКО?— Нет. Это не ЭКО.— Тогда кто он?
Познакомишь? — оглядываю зал в поисках ее потенциального жениха.— Ты его хорошо знаешь, — ее голос тихий и четкий, как приговор. Она смотрит на меня, не моргая. — Отец моего ребенка — твой муж. Одна фраза и белое платье, клятвы у алтаря, улыбки гостей, все это навсегда окрашивается в черный цвет. Мой лучший день оборачивается настоящей катастрофой. И я понимаю, что это только начало нашего конца. Книга участвует в литмобе:
(Не) Развод под Новый Год:

© Ван Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Визуализация Карина	9
Визуализация Евгений	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Карина

Я закрываю глаза, впитывая каждую идеальную секунду. Это мой день. Наш день, к которому мы шли так долго. Воздух пахнет дорогими духами, пьянящим ароматом белых роз и едва уловимым запахом его одеколона. Тем самым, от которого у меня до сих пор перехватывает дыхание. Женя прижимает меня к себе, и его ладонь на моей спине кажется единственной точкой опоры во всей этой сверкающей вселенной.

— Горько! Горько! — доносится со всех сторон, и его губы находят мои.

Этот поцелуй... Я тону в нём без остатка, в его тепле, в этом чувстве полного, абсолютного счастья.

Но где-то глубоко внутри, на самом дне души, шевелится холодный червячок тревоги. Все вокруг слишком идеально. Слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

Он разрывает поцелуй, и я мгновенно ощущаю волну пустоты. Прохладный ветерок касается еще влажных губ.

— Прости, милая, мне нужно на минуту отлучиться, — его голос ласковый, но в глазах мелькает что-то неуловимое. — Нужно поговорить с одним важным человеком по поводу нашего медового месяца.

Он отпускает меня, и мне вдруг становится холодно без его прикосновений. Я остаюсь одна посреди нашего праздника, и пугающее предчувствие сжимает сердце ледяной рукой.

Может, все дело в нашем медовом месяце? Мы тянули до последнего с выбором места, и сейчас многое взвалилось на плечи моего мужа. И это в такой-то день.

— Карин, — ко мне подходит София. Моя сестра. Мой самый близкий человек, который знает обо мне абсолютно все. Сегодня она в своём вечном тёмно-синем платье словно специально выбрала самый незаметный цвет в моем белоснежном мире.

— Кажется, я единственная, кто еще не вручил тебе свадебный подарок, — ее голос звучит странно, натянуто. Не так, как всегда.

— Не стоило утруждаться. Для меня было бы достаточно одного твоего присутствия, — улыбаюсь я, пытаюсь отогнать глупые страхи. — Ты же моя самая любимая сестра. Я подхожу к ней. Обнимаю ее и чувствую, как ее тело слегка подрагивает.

— Я думаю, что мой подарок в любом случае будет для тебя особенным, — она протягивает мне вытянутую бархатную коробочку.

В голове тут же мелькает: “Браслет? Или цепочка?” Зная ее тягу к украшениям, я даже почти не сомневаюсь, что увижу там нечто утонченное, золотое, с аккуратными камушками.

— Спасибо, — беру коробочку, чувствуя под пальцами мягкий бархат. — Я открою ее позже, вместе с остальными подарками, а то боюсь, что потеряю. Не хочу видеть тебя потом расстроенной. Все же твои подарки действительно значат для меня слишком много.

— Нет! — слишком резко вырывается у нее, и ее холодные пальцы сжимают мое запястье. — Карин, открой прямо сейчас. Я настаиваю.

— Соф, что там такого важного? — смеюсь я, но смех получается нервным.

Что это с ней сегодня? Она никогда не была такой. Неужели переживает и ревнует, что я больше не буду проводить все свое свободное время рядом с ней?

Она не отвечает, только смотрит на меня своим странным, неподвижным взглядом. Её пальцы всё ещё сжимают мою руку, прижимая ее к коробочке. Я чувствую, как по спине бегут мурашки.

Натянуто улыбаясь, я берусь за шелковую ленту. Пальцы почему-то начинают дрожать, словно предчувствуя нечто страшное. Я тяну за аккуратно повязанную ленточку... Она с легкостью поддается. Снимаю крышку. Смотрю в коробочку.

Секунда недоумения. Мозг отказывается обрабатывать увиденное. Просто белый пластиковый предмет... Тест. Тест на беременность. Две полоски.

Сердце замирает, потом начинает колотиться с бешеной скоростью. Волна радости и тревоги накатывает одновременно.

— Софка... Боже... Ты..., — я поднимаю на нее глаза, полные слез. — Господи, дорогая! Ты беременна? Это же... Я... я так за тебя рада! Это ЭКО? Ты все же решилась на него? Поздравляю!

Она медленно качает головой. И в уголках её губ появляется та самая, чуть заметная тень улыбки, которая заставляет меня похолодеть.

— Нет, Карин, — выдыхает она, и её голос звучит тихо, но чётко, как щелчок. — Это не ЭКО.

Мир вокруг замедляется. Звуки свадьбы становятся приглушенными, как под водой.

— Тогда..., — мой голос срывается. — Тогда кто? Познакомишь меня с ним? Где он? Он пришел с тобой? Почему ты мне ничего не говорила раньше?

Я оглядываю зал, полный улыбающихся лиц. Ищу глазами возможного кандидата в ее мужа, но не вижу никого, кто был бы достоин моей сестры. Зато я натыкаюсь взглядом на Женю. Он стоит спиной и разговаривает с кем-то из мужчин.

Мой муж. Мой любимый мужчина.

— Он сегодня здесь. И ты его хорошо знаешь, — голос Софии режет эту идиллию, как лезвие.

Всё внутри меня замирает. Легкий комок страха сковывает желудок.

— Кто? — выдыхаю я, чувствуя, как напряжение плавно поднимается откуда-то из глубины моего сердца.

Она смотрит на меня. Прямо в глаза. Не моргая. И спокойно, но уверенно произносит:

— Твой муж. Отец моего ребенка — твой муж.

Глава 2

Карина

Время останавливается. Звуки веселья доносятся до меня как сквозь толщу воды. Такие же глухие и бессмысленные. Я смотрю на Софию, и её лицо плывет передо мной, искаженное какой-то жуткой маской жалости и... торжества. Нет, не может быть. Это шутка. Уродская, большая шутка.

Но я знаю. Знаю про годы её отчаянных попыток забеременеть. Про сотни литров слез, пролитых в подушку. Гормональные терапии, которые превращали ее в тень. Помню, как она плакала у меня на кухне, говоря, что никогда не станет матерью. И понимаю, что это не шутка. Такими вещами после стольких лет боли не шутят.

И я ей верю. Всегда верила. Мы же с ней... мы же сестры. Мы росли самыми близкими. Делились всем. Первой любовью, первыми предательствами, мечтами и страхами. Всегда вместе. Всегда рядом. И эта мысль... эта пугающая правда о том, что она и мой Женя...

Нет. Мозг отказывается это воспринимать. Пальцы немеют. Зрение теряет фокус.

Я мотаю головой. Отшатываюсь от неё. От этого теста в бархатной коробочке, который сейчас прожигает мне ладонь.

Глаза сами ищут в толпе моего мужа. Он только им стал. Буквально пару часов назад он стоял у алтаря и клялся мне в вечной любви. Его губы... эти же губы... Нет. Не может этого быть.

— Прости, — тихо говорит София, и в её голосе нет ни капли раскаяния. — Но я должна была тебе рассказать правду.

Слова доходят до меня с опозданием. Руки трясутся. Тест в этой проклятой коробочке падает на пол, и этот тихий удар кажется оглушающе громким.

— Сейчас? — вырывается у меня хриплый, сдавленный звук. Я смотрю на неё, не веря своим ушам. — Ты должна была сказать мне об этом сейчас, Соф? На моей свадьбе? В тот день, который я мечтала запомнить на всю жизнь? — мой мозг судорожно пытается переварить услышанное. Я не знаю, что делать. В груди все горит от боли. — Ты видела меня вчера! Видела позавчера! Помогала мне сегодня с платьем перед тем, как я пошла к алтарю. У тебя было столько возможностей, столько шансов. Почему ты делаешь это сейчас? Зачем? — голос срывается на крик, но вокруг все еще гремят зажигательная музыка и смех. Нас никто не слышит, и это к лучшему. Иначе я бы окончательно разбилась вдребезги. — Это подло, — шепчу я, и горячие, горькие слёзы наконец подступают к глазам. — Слишком подло для тебя. Особенно для тебя.

Я вижу, как Женя, смеясь, оборачивается в нашу сторону. Его улыбка медленно сползает с лица, когда он видит меня. Он что-то быстро говорит своим друзьям и идёт к нам. Его взгляд полон беспокойства. Он всегда переживает за меня. Только за меня. Потому что он мой муж.

— Что такое, дорогая? — он подходит к нам. Его голос ласковый, полный искренней тревоги. Он сама милота и забота, но его “дорогая” сейчас как капля яда в моём и без того разрывающемся сердце. Он пытается обнять меня. — Карин, ты вся побледнела. Что случилось? Тебе плохо?

Я резко дергаюсь в сторону, скидывая его руку со своей талии. Прикосновение, которое ещё недавно было раем, теперь обжигает предательством.

Он замирает, пораженный моей реакцией. Его глаза широко распахнуты от непонимания.

— Карина? Что случилось?

— Что случилось? Может, здесь именно ты хочешь мне объяснить что случилось? — слышу я свой плоский, безжизненный голос.

Он моргает.

— Что я должен объяснить? Милая, ты устала? Может, сядешь? Что с тобой? — он снова тянется ко мне, и в его глазах только растерянность и страх за меня.

И это сводит меня с ума. Эта игра. Эта ложь. Как же искусно он делает вид, что ничего не знает. Или моя сестра еще не успела его порадовать своим подарком на нашу с ним свадьбу?

— Как ты объяснишь мне, — говорю я, и каждый звук дается мне с нечеловеческим усилием, — что моя сестра... что она носит от тебя ребёнка?

Я произношу это. Вслух. И слова повисают в воздухе, тяжелые, как свинец.

Случайные гости рядом замирают. Музыка всё ещё играет, но я ее не слышу. В голове набатом стучит только одно.

“Отец моего ребенка — твой муж. Твой муж”.

Лицо Жени становится абсолютно пустым. Маска сползает, обнажая... шок. Глубокий, настоящий, животный шок. Его губы приоткрываются, но не издают ни звука. Он смотрит на меня, потом на Софию, потом снова на меня. В его глазах полная, абсолютная прострация.

И я не понимаю. Не понимаю ничего. Это шок от того, что я узнала их ужасную тайну? Или... или это шок, от того что все всплыло наружу в день нашей с ним свадьбы?

Я стою и смотрю на двух самых близких людей в моей жизни. И не знаю, кому верить. Собственными глазам. Или сердцу, которое разрывается на части.

Визуализация Карина

Представляю вам нашу Карину!

Девушка красива, и до этого дня считала, что любимая.

Визуализация Евгений

Евгений.
Интересно он правда ничего не понимает или играет свою роль, боясь, что Карина устроит скандал?

Глава 3

Карина

Мир сужается до точки. До бьющегося в истерике сердца, до звона в ушах, до холодной дрожи, которая выжигает всё изнутри. Я смотрю на них. На Женю с его побелевшим, искаженным непониманием лицом, и на Софию, которая стоит, опустив глаза, будто сложив с себя полномочия.

И тишина.

После моих слов она такая оглушительная, звенящая, что в ней тонет все. Звуки оркестра, приглушенный гул веселья, обрывки чьих-то фраз. .

— Что? Что ты сказала? — это не слово, а хриплый выдох. Женя смотрит на меня, и в его глазах нет гнева или лжи, только нарастающая паника. — Карина, что ты сейчас сказала?

Он не понимает. Или делает вид. В горле встает горячий, соленый ком. Слезы давят изнутри. Я до скрежета, до боли стискиваю зубы. Нет. Я не доставлю им этого удовольствия. Не расплачусь здесь, на своих же проводах в новую жизнь.

— Ты что, не расслышал? — мой голос хрипит, в нем слышен надлом. — Я спросила, как ты объяснишь, что отец ребенка моей сестры — это ты. Мой муж. Человек за которого я сегодня вышла замуж.

Я вбиваю в него каждое слово. Жду, что маска неверия сломается. Но ничего не происходит. На его лице только шок. Настоящий, животный. Женя медленно, словно под водой, поворачивается к Софии.

— Соф... Что это значит? — его голос срывается. — Это... это правда? Ты беременна? От... меня?

Он говорит это с таким откровенным, неподдельным ужасом, что у меня на мгновение перехватывает дыхание. Так невозможно притворяться. Или... или он гениальный актер, который боится скандала и разоблачения?

София поднимает на него глаза. В них ледяное спокойствие. Ни да, ни нет. Она просто пожимает плечами, и этот жест не просто подтверждает мои догадки. Это плевок в душу. Она носит его ребенка.

— Я... я не знаю, что сказать, — Женя проводит рукой по лицу, и я вижу, как дрожат его пальцы. Он снова смотрит на меня, и в его взгляде читается немая мольба и полная потерянности. — Карина, я клянусь всем святым... Я не знаю, о чём она говорит. Это бред. Я не понимаю... не понимаю, как такое возможно.

Он делает шаг ко мне, тянется рукой. Той самой, которая только что держала мою у алтаря.

Я отскакиваю от него, как от раскалённого железа, ударяюсь спиной о колонну. По позвоночнику растекается онемение. Больно. Но не так больно, как внутри.

— Не трогай меня, — выдыхаю я. В висках стучит. Всё тело звенит от напряжения. — Никогда. Больше никогда не трогай меня.

— Но это же ложь! — в его голосе прорывается отчаяние, и оно обжигает меня. — Я не знаю, зачем ей это. Не понимаю, к чему это все. Почему ты веришь ей, а не мне?

Почему? Потому что я держала в руках её “подарок”. Потому что я помню все ее слезы, все больницы, все “у вас ничего не получится”. Потому что я вижу ее спокойное, почти удовлетворенное лицо. И потому что я вижу его лицо. Растерянное, испуганное, но... честное.

Нет. Не может быть честным. Не может. Моя сестра. Моя родная душа не стала бы мне лгать в таких вещах. Не стала бы рушить мою семью.

— Я ухожу, — говорю я в пространство перед собой. Голос чужой. — Я не могу больше здесь находиться. Мне нужно время. Подумать. Принять, — как заведенная тараторю я.

Я разворачиваюсь и иду. Просто иду, не видя лиц, не слыша поздравлений. Мое белое платье, такое легкое и воздушное, теперь тянет меня на дно, как намокший саван. Я пробираюсь к выходу, и вдруг чья-то рука хватается меня за локоть.

— Карина! Куда ты собралась? У тебя свадьба! Гости.

Мама. Её растерянное, встревоженное лицо выплывает из тумана моей рухнувшей жизни.

— Я должна уйти, мам, — голос срывается. — Всё... я всё расскажу тебе потом. Скажи гостям, что мне плохо. Или то, что у нас самолет перенесли на пораньше. Путешествие. Да. Скажи, что мне срочно пришлось уехать, потому что я...забыла документы. Не знаю. Купальник. Придумай что-нибудь.

— Карина, что случилось? О чем ты говоришь? — ее пальцы впиваются в мою руку. — Где Женя? Что он тебе сделал?

Я качаю головой. Не могу говорить. Не могу выдать больше ни слова. Просто выдерживаю руку и, почти бегом, вылетаю из этого проклятого зала на прохладный ночной воздух.

Прямо у входа стоит наш украшенный белыми лентами и цветами внедорожник. Тот самый, который мы с таким трепетом выбирали, чтобы он отвез нас в аэропорт, в наше свадебное путешествие. К новой жизни. Идиотка.

Я рывком открываю дверь и падаю на сиденье. В ушах оглушительный гул. Сердце колотится где-то в горле.

— Праздник окончен? Едем в аэропорт? — слышу я бодрый голос водителя. И после паузы он добавляет. — А ваш муж еще не подошел?

Я закрываю глаза. Что ответить? Не знаю. Я не знаю ничего.

Дверь с другой стороны открывается. Садится Женя. Молча. Рядом со мной. Он не смотрит на меня. Просто сидит, сжав кулаки на коленях. Дверь захлопывается. Тишина машины оглушает. Мы оба в ловушке. В ловушке того, что должно было стать нашим счастливым началом.

Глава 4

Карина

— Домой, — уверенно, как приказ, бросает мой муж водителю, не глядя на меня.

— Домой? — переспрашивает тот с нескрываемым недоумением, и я его понимаю.

У нас на руках билеты, в багажнике лежат чемоданы, путь до аэропорта расписан по минутам. Это наше идеальное свадебное путешествие, о котором мы так мечтали.

— Вы плохо слышите? — рычит Женя, и этот низкий, опасный тембр, который никогда не распространялся на меня, обжигает, как безжалостное пламя. Я невольно съеживаюсь.

Водитель неуверенно кивает и с недоуменным взглядом, трогается с места.

В салоне повисает тягостное молчание. Оно густое, физически ощутимое. Я прижимаюсь к двери, смотрю в окно на проплывающие огни города, которые теперь кажутся чужими и безразличными.

От Жени исходят странные волны. Это не просто гнев или обида. Это что-то более тёмное, тяжёлое. Опасность? Отчаяние? Я не могу этого распознать, но все до единой клетки моего тела напряжены до предела, улавливая каждое его движение, каждый вздох.

Он сидит неподвижно, сжав кулаки, и я чувствую жар его ярости, его растерянности, его боли. Или это всё ещё игра?

Машина останавливается у нашего дома. Нашего. Это слово теперь режет слух. Я выхожу, не дожидаясь, когда он привычно откроет мне дверь.

Морозный воздух обжигает легкие. Я стою и смотрю на эти дурацкие банты и ленточки на ручках дверей внедорожника, на белый, чистый снег, искрящийся в свете фонаря. Сколько раз я себе представляла день нашей свадьбы? Сотни. Тысячи? Но я и подумать не могла, что моя свадьба будет... такой.

За спиной, под тяжелыми, уверенными шагами, раздаётся хруст снега. Женя. Внутри все сжимается в тугую, болезненный комок. Страх, ужас и невыносимая боль разрывают меня на части.

Я иду к двери, чувствуя его взгляд на своей спине. Останавливаюсь у порога. Он замирает в шаге от меня. Слишком близко. Слишком больно. Дышу прерывисто, пар вырывается изо рта белыми клубами.

— Тебе стоит уйти, — говорю я, не оборачиваясь. Голос дрожит. — Я не хочу тебя видеть. Я пока не могу.

— Я никуда не уйду, — его ответ жесткий и окончательный. — Ты моя жена. И мы должны поговорить. Всё, что сказала твоя сестра — бред. Ты же понимаешь это.

— Я не понимаю! — оборачиваюсь к нему, и слёзы наконец подступают, застилая глаза. — Ничего не понимаю! Я пока не могу понять как такое возможно. У меня в голове не укладывается все, что случилось там. В зале.

Смотрю на его лицо. Такое знакомое, такое любимое. И сейчас такое чужое. Как я могла быть настолько слепой? Как я не увидела, что прячется за этой улыбкой?

Рывком открываю дверь и поднимаюсь по лестнице. Он идёт за мной. Его присутствие за спиной причиняет почти физическую боль. Я захожу в спальню. Наша спальня. Всё застелено белоснежным бельем. Я думала, когда мы вернемся, нам будет приятно лечь на кровать после длительного перелета.

Дрожащими руками пытаюсь расстегнуть молнию на платье. Она не поддаётся, заедает. Паника нарастает. Я чувствую себя в ловушке, в этом символе счастья, которое оказалось фальшивкой.

— Давай я, — его голос совсем рядом.

— Не трогай меня! — взываю я, отскакивая. — После того, как ты касался её!

— Карина! — в его голосе слышится боль, и она бьёт прямо в сердце, обезоруживает.

Слышу, как он делает шаг, и через секунду раздаётся резкий звук расстегивающейся молнии. Я думала, что он снимет с меня платье в другой ситуации. Смех, поцелуи, нетерпение. А не это. Мертвая тишина и его предательские пальцы на моей спине.

Я быстро стаскиваю платье, с облегчением чувствуя, как тяжелый атлас соскальзывает на пол, и натягиваю свою старую, растянутую футболку оверсайз. Праздник окончен. Всё кончено. Пора вернуться в реальность.

Женя развязывает галстук, срывает его с себя и бросает на стул. Он поворачивается ко мне, его лицо напряженное, бледное.

— Карина, — говорит он тихо, но в его голосе сталь. — Давай поговорим. Мы не можем молчать в такой ситуации. И дело не в том, что я хочу, как-то себя оправдать. Дело в том, что твоя сестра сделала это с каким-то умыслом. И я больше, чем уверен, что она готовилась к этому заранее.

Глава 5

Карина

Я смотрю на него. На своего мужа. На то, как он с силой сжимает кулаки, находясь в такой же безысходности, как и я.

— Говори, — срывается с моих губ. Я скрещиваю руки на груди, стараясь выглядеть твёрдой, но внутри сплошная дрожь. Я боюсь услышать правду. — Объясни, как так вышло, что София беременна от тебя. Ты проникся к ней жалостью, что у нее ничего не выходит? Решил проявить сострадание и подарить ей ребенка?

Женя проводит рукой по лицу. Он выглядит измотанным, будто только что пробежал марафон.

— Карина, я клянусь тебе, — его голос хриплый, надтреснутый. — Между нами с ней ничего не было. Никогда. Я даже представить не могу, как она это выдумала. Это бред!

— Бред? — я фыркаю, и звук получается злым, горьким. — А тест на беременность, который она подарила мне на свадьбу, это тоже бред? Жень, может, ты просто напился где-то? На мальчишнике или корпоративе? Забыл всё. Такое бывает, знаешь ли. Я слышала немало таких историй. Все, как один, кричат, что ничего не было, а потом вспоминают.

Я вижу, как он сжимает кулаки от бессилия.

— Я бы не забыл такое! Я не прикасался к ней! Ты действительно думаешь, что я способен на такое? Чтобы взять и вот так переспать с твоей сестрой? С твоей сестрой, Карин!

— А почему нет? Знаешь, самый большой удар наносят всегда самые близкие.

— Карина, я тебе еще раз говорю, что я бы никогда не прикоснулся к ней.

— Хочешь сказать, что это она набросилась на тебя? — тело бьет мелкая дрожь. Мне даже страшно представить их вместе. Как его руки ласкали ее тело. Как они целовались. — Она бы так не поступила! — выкрикиваю я, защищая единственное, что мне осталось — веру в сестру. — Она бы собственной волей не полезла к тебе! Я её знаю с рождения! Я всё о ней знаю! Она не такая!

— А я такой? — его вопрос повисает в воздухе, тяжелый и болезненный. Он не такой. По-крайней мере, я считала, что он не такой. — Ты действительно думаешь, что я, твой муж, способен на такое подлое, грязное предательство? В день нашей свадьбы?

От его слов мне становится не по себе, но я гоню эту слабость прочь. Нет. Я не могу ошибаться. Не могу.

— Я не знаю, кто ты, — шепчу я. — Как оказалось, я вообще тебя не знаю.

Подхожу к платью, которое так нелепо лежит на полу. Белое, воздушное — символ самого страшного обмана в моей жизни. Я хватаю его, сминаю в руках и заталкиваю в безразмерный черный мусорный мешок. Атлас шипит, сопротивляется, но я запихиваю его всё глубже.

— Что ты делаешь? — Женя смотрит на меня с ужасом.

— А на что, по-твоему, это похоже? — не смотрю на него. — Хочу выбросить этот символ предательства.

— Карина, остановись! — он хватается за голову. — Подумай! Твоя сестра. Я бы никогда... Может, это розыгрыш? Давай я ей позвоню. Прямо сейчас. Давай, ты сама всё услышишь. Из её уст.

Я замираю. Сердце заходится в груди. Голос разума шепчет:

“Да, позвони. Услышишь, как она всё опровергнет, и этот кошмар закончится”.

Но страх шепчет громче:

“А если нет?”

— Думаешь, я не соглашусь? — поднимаю на него глаза, полные вызова. — Думаешь, я испугаюсь?

— Мне нечего скрывать, Карина, — он достаёт телефон. Его руки дрожат. — Я не спал с твоей сестрой.

Его экран оживает. И я обращаю внимание на то, что номер моей сестры в списке вызовов один из первых. Буквально после моего. Сердце сжимается. Они разговаривали. Не так давно. Он звонил ей. Зачем, если они не общаются, как он говорит?

Он нажимает на вызов. Я замираю, не дыша. В голове проносится:

“Скажи, что это шутка. Скажи, что это ужасная, дурацкая шутка”.

Гудки. Один. Два. Три...

— Да, дорогой, — раздается в динамике ее голос. Мягкий, ласковый, интимный. — Уже соскучился? Надеюсь, Карина не сильно кричала.

Воздух вырывается из моих лёгких, как от удара. Я вижу, как Женя бледнеет ещё больше. Его глаза становятся круглыми от шока.

— Не носи херни, София, — его голос груб, но я слышу в нем панику. — Я звоню тебе, чтобы ты объяснила, что за концерт ты устроила на моей свадьбе. Какой ребёнок? Ты о чём вообще? Я с тобой не спал.

Сначала в трубке тишина. А потом... она смеётся. Таким же искренним, заводным смехом, каким я смеялась в детстве, когда мы вместе смотрели мультики.

— Да ладно тебе, Жень, — говорит она, и в её голосе сквозит лёгкий упрёк. — Разве мы с тобой не этого хотели? Ты же сам тогда сказал мне, что хочешь закончить с этой ложью сразу после свадьбы. Или она рядом? Поэтому ты задаешь этот глупый вопрос?

Мир переворачивается с ног на голову. Я смотрю на Женю. На его абсолютно пустое, безжизненное лицо. И не понимаю ничего. Вообще ничего.

Мои дорогие, не забудьте подписаться на автора и добавить книгу в библиотеку, если история вам нравится. А если вы напишите комментарий и поставите истории звездочку, то я буду вам безмерно благодарна. Всех обнимаю ##♥##

Глава 6

Карина

Я не верю. Ни ему. Ни ей. Я просто не могу. Две опоры. Два самых близких человека. И между ними пропасть, в которую рухнула я.

— Карина, послушай меня, — голос моего мужа, приглушенный, но настойчивый. — Я люблю тебя. Я не хочу тебя терять. Мы справимся с этим. Нам просто нужно остыть и все обсудить спокойно. Без эмоций. На холодную голову.

“Остыть”.

Словно я раскалённый металл, а не человек с разорванным в клочья сердцем в свой самый счастливый день в жизни. Я не отвечаю. Прижимаю ладони к ушам, отказываясь слушать, но его слова всё равно просачиваются сквозь эту пелену гула, оставшуюся после звонка сестре.

— Карина, это какое-то безумие! Я не понимаю, что на нее нашло! Но мы же не можем просто взять и поверить ей... Ты же моя жена. Вспомни через что мы с тобой прошли.

Я не могу больше это слушать. В голове настоящий бедлам. Я молча разворачиваюсь и иду на кухню.

Хлопаю дверью. Звук удара должен принести облегчение, но его нет. Только гулкая тишина кухни и бешеный стук сердца в ушах.

Сразу после этого слышу сдавленный рык Жени и следом глухой удар, будто он ударил кулаком обо что-то твёрдое. Я вздрагиваю, инстинктивно делая шаг к двери, но останавливаюсь. Нет. Я не выйду.

— Дыши, Карина. Просто дыши. Попробуй все понять. Осознать. Собрать по кусочкам. Найти, где правда, а где ложь, — шепчу я себе под нос, опираясь руками о столешницу.

Но ответ не приходит. Надо успокоиться, как и сказал Женя. Возможно, тогда я смогу увидеть правду.

Руки трясутся так, что я едва могу удержать чайник. Наливаю себе зеленый чай с мятой и сажусь за стол.

“Успокаивает нервы”, — глупо звучит в голове. Будто чай может склеить мою разбитую жизнь.

Нужно взять себя в руки. Проанализировать. Но мысли путаются, натываясь на два лица. Его, искаженное болью и непониманием, и её, с той странной, торжествующей улыбкой. А еще этот приторно-сладкий голос в его телефоне: “Ты же сам сказал, что хочешь закончить это...”

Дверь на кухню открывается. Женя стоит на пороге, и вид у него такой, будто он прошёл через ад. Глаза красные, волосы всклокочены.

— Я клянусь тебе, — говорит он тихо, опускаясь передо мной на колени. Его руки ложатся на мои колени, но я не чувствую их тепла, лишь тяжесть. — Клянусь всем, что у меня есть. Между мной и твоей сестрой ничего не было. Ничего. Не то что секс... мы даже за руки не держались. Ни разу.

Я смотрю в его глаза. В эти знакомые до боли глаза, в которых сейчас плещется такая искренняя мука, что моя уверенность дает трещину. Я хочу верить.

— Давай... давай оба успокоимся, — сдаюсь я, слыша свой собственный, усталый голос. — И... вернемся к этому разговору. Позже. Завтра. Мне нужно время. Понять. Подумать. Все слишком неожиданно.

— Ты права. Нам нужно успокоиться. Обоим. Давай, пошли спать, — он поднимается, его голос становится мягким, заботливым. — Ты устала. Ты на грани. Давай.

Он прав. Тело отказывается слушаться, ноги гудят от целого дня на каблуках, а потом еще этот стресс. Он аккуратно берет меня под локоть, помогает встать. Его прикосновение,

которое еще недавно вызывало отвращение, сейчас кажется единственной опорой в этом шатком мире. Он заботливо провожает меня до нашей спальни, помогает лечь. Накрывает одеялом, поправляет подушку. В его движениях привычная, отточенная любовь. Та, что была всегда. Та, в которую я верила.

Я поворачиваюсь на бок спиной к нему. Слышу, как он садится на край кровати.

— Карин, я докажу, что это не мой ребёнок, — говорит он почти шепотом. — Ради нас.

Он встаёт. Я чувствую, как матрас выпрямляется. Слышу его шаги. Спиной ощущаю, как он останавливается в дверях. Он не давит. Не кричит. Затем уходит.

Через минуту до меня доносится звук включенного телевизора из гостиной, скрип дивана. Он лег там, чтобы дать мне время, свободу.

Но наш диван такой маленький по сравнению с ним.

“У него же ноги по колено будут свисать”, — мелькает в голове дурацкая мысль. Но я не даю себе ухватиться за эту жалость.

Сон не идёт. Я пытаюсь анализировать, перебирать в памяти все их встречи, все взгляды, все слова. Но не могу найти ни одной зацепки, ни одного намека, который бы заставил меня усомниться в нем. Сейчас, когда первая, слепая волна шока спала, я понимаю... я была слишком эмоциональна. Слишком жестока.

Я лежу, смотрю в окно, наблюдая за тем, как за окном светает, а я так и не сомкнула глаз. Просто смотрю, как ночь медленно сдаётся, окрашивая небо в грязно-серые тона.

На тумбочке вибрирует телефон. Наверное, родители. С истерикой, что я так похабно сбежала с собственной свадьбы. Медленно, будто в замедленной съёмке, тянусь к нему.

На экране: “Любимая сестренка”.

В горле встает ком. Дышать становится труднее.

Зачем? Зачем она пишет? Что ещё она хочет сказать? Разве, может быть, что-то еще хуже тех слов, что она уже сказала?

Пальцы дрожат, но я открываю ее сообщение. Смотрю на экран и дышать становится просто невозможно.

Глава 7

Карина

Я смотрю на экран, и мир сужается до яркого свечения в темноте. Сообщение от “Любимой сестренки”. Не текст. Скриншоты. Не один, а несколько, идущие друг за другом, как кадры чужого, ужасного фильма, где главные роли играют моя сестра и мой муж.

Мои пальцы леденеют. Уже разбитое сердце замирает, а потом срывается в бешеную, хаотичную пляску, отдаваясь глухими ударами в висках. Я медленно, словно в трансе, опускаюсь на край кровати, не в силах оторвать взгляд.

Первый скриншот. Его номер, его фото в телефоне Софии. Дата — три месяца назад.

Женя: Соф, привет. Ты где? Надо встретиться.

София: Привет. Не думаю, что это хорошая идея.

Женя: Почему? Мы же взрослые люди. Просто поговорим. Нам есть что с тобой обсудить. Ты же знаешь. Особенно после того, что между нами было.

София: Нам не о чем говорить, Женя. Забудь все.

Второй скриншот. Неделей позже, но такой же отвратительный.

Женя: Скучаю по тебе.

София: Не пиши такого.

Женя: Это правда. Ты не представляешь, как тяжело это всё носить в себе.

София: У тебя есть Карина. Будь с ней счастлив.

Женя: С ней я просто существую. Ты другое. Ты всё.

Меня тошнит. Я чувствую, как кислый привкус поднимается к горлу.

“С ней я просто существую”. Слова жгут сетчатку. Он писал это. Ей. Моей сестре.

Третий скриншот. Самый страшный. Месяц назад.

Женя: Я не могу так больше. Я люблю тебя, Соф. По-настоящему.

София: Перестань. У тебя свадьба через месяц! Ты с ума сошёл!

Женя: Свадьба — ошибка. Я не могу жениться на ней, когда всё моё существо хочет тебя. Ты — моя судьба.

София: Я не хочу быть “судьбой”, которая разрушает жизнь сестры. Оставь меня в покое, Женя. Прошу тебя.

Женя: Я не могу. Карина... она просто досадная помеха на нашем пути. Я разберусь с этим. После свадьбы всё закончу, я обещаю.

“Досадная помеха”.

Воздух вырывается из моих лёгких, как будто меня ударили в солнечное сплетение. Я сижу, сгорбившись, и не могу дышать. Слезы не текут. Они остаются где-то глубоко внутри, превращаясь в острые осколки, которые режут меня изнутри. Я читаю это снова и снова. Десять раз. Двадцать. Каждое слово, каждое “скучаю”, каждое “люблю”, каждое “помеха” вбивается в сознание, стирая всё, что было до этого.

Я вижу, как София пытается сопротивляться. Её ответы короткие, сдержанные. Она отталкивает его, пытается образумить. “Не пиши такого. У тебя есть Карина. Оставь меня в покое”.

Она держит оборону. Но он... Он настойчив. Он льёт этот яд, эту ложь, эти слова, которые должны были принадлежать только мне.

Зачем она это прислала? Чтобы добить? Чтобы я окончательно возненавидела его? Или... чтобы оправдаться? Показать, что она не виновата, что это он преследовал её?

Телефон снова вибрирует в моей руке. Новое сообщение.

“Карина, прости, что обрушиваю это на тебя сейчас. Но ты должна всё знать. Ни одна женщина не смогла бы устоять под таким натиском. Он был одержим. Я пыталась бороться,

пыталась оттолкнуть его, ради тебя. Но он был везде. Его слова, его внимание... Он говорил, что я его судьба. А ты лишь досадная помеха, которую он уберёт с дороги после свадьбы. Я не хотела причинять тебе боль. Я просто не выдержала его давления. Потом узнала, что беременна от него. И да... я влюбилась. Прости”.

Я читаю и не могу поверить. “Влюбилась. Не выдержала давления”. Получается, она не жертва его внезапной “слабости”? Она... отвечала ему взаимностью? Медленно, сопротивляясь, но отвечала. И он... он планировал порвать со мной? После свадьбы? Что это значит? Развод? Или нечто более страшное?

Я не знаю, что думать. Кому верить. Голова раскалывается. С одной стороны, эти ужасающие скриншоты его признания в любви к другой женщине, к моей сестре. С другой его лицо вчера вечером. Его шок, его боль, его клятвы. Он не играл. Я готова поклясться, что это не было игрой.

Я поднимаюсь с кровати. Ноги ватные, но несут меня сами. Я выхожу из спальни и останавливаюсь в дверях гостиной.

Он лежит на диване, сторбившись, повернувшись лицом к спинке. Он такой большой, а диван такой маленький. Его ноги, действительно, свисают с подлокотника, согнутые в неудобной позе. В слабом свете, падающем из окна, я вижу его руку, свесившуюся на пол. На костяшках ссадины, запекшаяся кровь. Вчерашний удар о стену. От отчаяния. От ярости. От боли.

Я смотрю на него и не узнаю. Нет, это не тот человек, который писал эти ужасные сообщения. Это мой Женя. Тот, кто будил меня поцелуями, когда я засыпала над работой. Тот, кто носил меня на руках, когда я подвернула ногу. Тот, кто учил меня готовить его любимый суп и смеялся над моими комками в тесте. Тот, чьи глаза светились такой нежностью, когда он смотрел на меня у алтаря. Серьезный, иногда строгий, но всегда заботливый. Всегда мой.

Я смотрю на него и мне больно. Больно так, что хочется выть. Больно от этой нестыковки. От этого разрыва между тем, что я вижу сейчас... большого, сильного, но такого беззащитного и несчастного мужчину, сбившегося в комок на слишком маленьком диване, и тем, что я только что прочла на экране своего телефона.

Я снова смотрю на телефон. Переписка. Его нежные, страстные, одержимые слова к другой женщине. К моей сестре. Потом на его сбитые кулаки, и детскую беззащитную позу сейчас.

Пазл не складывается. Он рассыпается на тысячи острых осколков, которые впиваются в меня. Могла ли я быть настолько слепой? Не видеть, что мой муж, человек, который спал, положив голову мне на грудь, и доверчиво сопел, все время жил двойной жизнью? Играл роль идеального партнера, а в это время признавался в любви моей сестре и называл меня “помехой”?

Или... или всё же моя сестра, та, кому я верила как себе, пытается сделать что-то страшное? Но зачем? Разрушить мою жизнь? Забрать моего мужа? Но она же видела, как он, по её же словам, “одаривал её вниманием”. Зачем тогда эти скриншоты? Чтобы открыть мне глаза? Или... чтобы окончательно похоронить нас? Чтобы я выгнала его, и он... оказался свободным? Для неё?

Глава 8

Карина

Я уже собираюсь развернуться и уйти, оставив его в этом жалком, но таком раздирающем душу положении, как его веки медленно приподнимаются. Сонные, затуманенные, они находят меня в полумраке. И в них то же тепло, та же бездонная забота, что была всегда. Нежность, которая сейчас кажется мне и спасительной, и предательской одновременно.

— Карина, — его голос хриплый, пропахший сном и болью. Он приподнимается на локте, морщится. — Как ты? Ничего не болит?

Я молча мотаю головой, не в силах вымолвить ни слова. Горло сжато.

Он садится, проводит рукой по лицу. На его щеке отпечатался красный след от шва подушки. Он выглядит таким... обычным. Таким моим.

— Я в порядке, — выдавливаю я наконец.

— Расскажешь? — он смотрит прямо на меня, без вызова, без раздражения. Спросил бы он так, будь на его месте виноватый?

Мои пальцы сжимают телефон. Я делаю шаг вперед и протягиваю ему его. Экран ярко светится в полутьме, демонстрируя первый скрин из моих ночных кошмаров.

— Что это? — тихо спрашивает он, принимая его.

— Прочти.

Он молча пролистывает скриншоты один за другим. Я слежу за его лицом, ищу малейшую тень вины, паники, признания. Но вижу лишь нарастающее недоумение, которое медленно, но верно перерастает в холодную, концентрированную ярость. Его челюсть напрягается, пальцы так сильно сжимают корпус телефона, что кажется, вот-вот хрустнет стекло.

Он доходит до конца, до сообщения Софии. Поднимает на меня взгляд. Его глаза пустые, почти чёрные от переполняющих его эмоций.

— И ты в них веришь? — это единственное, что он говорит. Тихий, обезоруживающий, прямой вопрос. Он тут же тянется за своим телефоном. Снимает блокировку, хотя я и так знаю пароль, и протягивает его мне.

— Зачем? — не понимаю я.

— Можешь проверить. Убедиться, что я не писал ей ничего подобного.

Я вытягиваю руку вперед, но вместо того, чтобы взять его телефон в руки, отодвигаю его. Он смотрит на меня с непониманием.

— В этом нет никакого смысла. Надо быть полным кретином, чтобы держать все переписки на виду, зная, что я могу в любой момент взять твой телефон.

— Тогда ты...

— Я не верю, — шепчу я, и это чистая правда.

— И что ты предлагаешь? — спрашивает он, и в его голосе надлом.

— Я не знаю, — честно отвечаю я. — Правда не знаю, — опускаю взгляд на его руку.

Мое тело действует само. Я иду в ванную, нахожу аптечку. Возвращаюсь с антисептиком и ватными дисками. Женя сначала вопросительно приподнимает бровь. Потом следит за моим взглядом и молча протягивает мне свою раненую руку.

Я сажусь рядом, на краешек дивана, и начинаю обрабатывать ссадины. Кровь уже подсохла, но раны выглядят болезненными. Я чувствую, как он смотрит на меня, его взгляд тяжелый, полный немого вопроса.

Когда я заканчиваю, он не убирает руку.

— Позвони ей, — тихо говорит он.

Я вздрагиваю.

— Зачем?

— Интересно, что она тебе скажет. После вчерашнего... она больше мне не звонила. Не писала. Не требовала моего присутствия, моей ответственности, — он усмехается, и в этом звуке нет ни капли веселья. — Это как минимум было бы странно, будь я действительно отцом её ребёнка. Она явно не оставила бы все просто так. Ведь она хотела шоу, раз рассказала все на свадьбе, а не до нее. Это сбивает с толку. Ее поведение становится все более и более нелогичным.

Он прав. Ее поведение действительно странное. И это тонкая соломинка, за которую я цепляюсь.

Мои пальцы снова находят телефон. Я пролистываю контакты до “Любимой сестренки” и нажимаю “вызов”. Сердце колотится где-то в горле. Гудки кажутся бесконечными.

— Карин? — наконец, раздается ее голос. Он звучит слабо, испуганно. Искусно? — Ты... как ты, дорогая?

— Соф, — мой собственный голос кажется мне чужим. — Я получила твои сообщения. Все до единого. Я все прочитала. Это правда? — спрашиваю я, даже не надеясь на что-то иное, кроме как “конечно, это правда”.

— О, Боже..., — она делает шумный выдох. — Я не знала, как ещё тебе всё объяснить. Ты так быстро сбежала со свадьбы. Все так закрутилось. Я даже толком не объяснилась, но ты же понимаешь, что я бы не стала тебе лгать? Все, до последнего скриншота, правда. Я не хотела причинять тебе боль, честно.

— Объясни сейчас. Я готова тебя выслушать.

— Карина, он... Женя... он давно на меня смотрел, — начинает она, и её голос дрожит. — Сначала я думала, что это просто так. Взгляд и взгляд. Но потом... потом он начал ко мне приставать.

Я чувствую, как Женя замирает рядом со мной. Он сжимает кулаки, смотрит в экран так, словно готов разбить его в любой момент.

— Карин, ты же одна? Скажи, ты же не слушаешь все это рядом с ним? Он будет отрицать.

— С чего ты взяла это? Почему он должен отрицать то, что является по твоим словам, правдой?

— Потому что я испортила его планы. Я не должна была тебе говорить. Он сам хотел. Найти время и сказать.

— Ясно. Я одна. Говори, — лгу я, без капли сожаления.

— Хорошо. Сначала это были случайные прикосновения. К руке, к плечу. Как бы невзначай. Потом... всё больше. Он говорил, что я не такая, как все. Что я особенная. Его намеки стали все яростнее. Он буквально искал момент, чтобы зажать меня где-то.

Я слушаю и чувствую, как во мне растет холодное недоумение. Это... не похоже на него. На моего Женю. Он уважителен к женщинам. Слишком уважителен. Он никогда не позволил бы себе “случайных прикосновений” к сестре своей невесты и уж тем более каких-то грубых приставаний. Первые, крошечные сомнения, как ростки, пробиваются сквозь толщу боли и гнева.

— А потом..., — её голос срывается на шепот, — его действия стали активнее. Он стал настойчивее. Преследовал меня сообщениями, как ты видела. Говорил, что не может без меня. Что ты... что ты лишь помеха. Я пыталась сопротивляться, Карин, клянусь! Но он был так настойчив... И я... я испугалась. А потом... я не знаю, как это вышло... однажды я не смогла устоять... и все. Дальше ты уже знаешь.

Она замолкает, будто давая мне прочувствовать весь ужас ее положения. Жертвы. Она выставляет себя жертвой его непреодолимых чар и настойчивости.

Я смотрю на Женю. Он сидит, сжав кулаки, его лицо, как каменная маска. Но в глазах та же ярость и то же непонимание, что и у меня.

— Карина, — голос Софии снова звучит в трубке, тихий, но настойчивый. — После всего этого... после того, что он сделал... после того, что я тебе рассказала. Ты... ты же не позволишь ему остаться в твоём доме? Ты прогонишь его? Не позволишь ему встать между нами? Мы же с тобой сестры. Не будем же мы с тобой ругаться из-за какого-то мужика?

Глава 9

Карина

Я сбрасываю вызов. Телефон падает на диван, словно раскалённый уголь. У меня нет слов. Никаких. Но её вопрос... этот ядовитый, подобострастный шёпот.

“Ты же не позволишь ему остаться в твоём доме?” — висит в воздухе, крича о правде громче любых скриншотов. Она не хочет его для себя. Она хочет, чтобы его не было у меня. Она хочет разрушить всё. До основания.

— Карина, я..., — начинает Женя, но его слова тонут в оглушительном грохоте, обрушившемся на входную дверь.

Это не звонок. Не стук. Это ураган из кулаков и ярости. Я вздрагиваю, инстинктивно прижимаясь к спинке дивана. Женя мгновенно вскакивает. Его лицо еще секунду назад полное боли, теперь искажено холодной решимостью. Он не спрашивает, не колеблется. Он идет и открывает.

На пороге стоят мои родители. Мать. Её лицо покрыто багровыми пятнами гнева, глаза выпучены, губы подрагивают. Отец стоит сзади, его обычно спокойное лицо напряжено, скулы ходят ходуном. Он сдерживает бурю, но я вижу, что плотина вот-вот рухнет.

— Мерзавец! Тварь! Кобель! — голос матери пронзает квартиру, как нож.

Её взгляд падает на Женю, и она, кажется, готова броситься на него с когтями.

— Ты! — она с ненавистью тычет пальцем в его грудь. — Да как ты вообще посмел?! Как у тебя хватило совести? Жениться на одной моей дочери, а вторую... вторую опозорить! Ребенка ей заделать! Обрюхатить ее! Идиот! Ублюдок!

— Людмила Петровна, — голос Жени тих, но в нём сталь. Он не отступает ни на шаг, блокируя ей вход.

— Не смей мне тут говорить: “Людмила Петровна”! — она кричит, слюнявя губы. — Ты будешь отвечать за то, что сделал! За всё! Ты немедленно разведешься с Кариной и женишься на Софии! Ты слышишь меня? Там ребёнок! Ты обязан на ней жениться!

— Мама, — только и успеваю я вставить, как она бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Не смей мне ничего сейчас говорить! Переживешь! Никто еще не умер от того, что развелся. Я не позволю, чтобы у ребенка Софии не было отца! Вы разведетесь! Он обязан стать ее мужем! Обязан нести ответственность!

— Обязан? — Женя издает короткий, сухой звук, похожий на смех, но лишённый всякой веселости. — Я не обязан вам ничем. И тем более жениться на вашей второй дочери.

— Как это ничем не обязан?! — вступает отец, его терпение лопается. Он отодвигает мать и встаёт перед Женей грудью. — Если ты мужик, то неси ответственность за свои поступки! Ты что, баба, что ли? Сделал ребенка, так отвечай за то, что сделал! В следующий раз думать будешь!

Женя смотрит на него, и в его глазах вспыхивает такой холодный, опасный огонь, что я сама едва не вздрагиваю.

— Ответственность? — он переспрашивает, и его голос становится тише, но от этого только страшнее. — А вы много ответственности на себя взяли, Виктор Иванович?

Отец замирает. Он понимает, о чём речь. О его вечных “командировках”, о его любовницах, о которых знала вся семья, но на которые мать предпочитала закрывать глаза, лишь бы сохранить видимость благополучия.

— Что...? Что ты несешь? — пытается парировать он, но уверенности в его голосе уже нет.

— Вы, — Женя говорит чётко, словно бьёт наотмашь, — вы сломали всю веру в мужчин у своей родной дочери. Вы своими вечными “командировками” и её молчаливым одобрением, —

он кивает в сторону моей онемевшей матери, — вы сделали её такой. Недоверчивой. Раненой. Из-за вас моя жена боится доверять мужчинам. Из-за ваших поступков. Потому что она знает, что за этим может скрываться. И теперь вы смеете говорить мне о чести? О том, что я “не мужик”, когда моя вина еще даже не доказана, в отличие от вашей?

Он делает шаг вперед, и отец, невольно, отступает.

— Я потратил годы, — Женя почти рычит, — чтобы она научилась мне доверять. Чтобы перестала ждать подвоха. Чтобы поверила, что можно любить и быть любимой, не оглядываясь. А вы... вы сейчас пытаетесь внушить ей, что это я виноват в том, что ваша вторая, видимо, крайне проблемная дочь беременна. Да я бы никогда так не поступил! Ни с Кариной, ни с кем бы то ни было другим! Пока ваша семейка, пытается все разрушить, я пытаюсь построить, а вы только и делаете, что мешаете.

— Как ты смеешь! — взвизгивает мать и, вырвавшись из ступора, с размаху бьет Женю по лицу.

Звук пощечины оглушителен в наступившей тишине. Я выскакиваю из-за его спины, и сердце останавливается. На щеке Жени проступает красное пятно. В его глазах дикая, первобытная ярость. Он смотрит на мою мать, и мне кажется, что сейчас случится что-то непоправимое.

— Женя! — я бросаюсь к нему, хватаю его за руку. Его мышцы напряжены, как стальные канаты. — Всё, хватит. Прошу тебя.

Он оборачивается ко мне. Его взгляд, полный бури, встречается с моим. Он видит мой страх, мою мольбу. И что-то в нём смиряется. Ярость отступает, сменяясь усталой, горькой решимостью.

Он снова смотрит на моих родителей.

— Убирайтесь, — говорит он тихо, но так, что слова падают, как камни. — Убирайтесь из нашего дома. Сейчас же.

Отец пытается что-то сказать, найти какие-то слова, но мать, рыдая, уже тянет его за рукав к выходу. Они отступают, боясь дальнейшего гнева моего мужа. Дверь захлопывается.

Я стою, всё ещё держа его за руку, и чувствую, как он дрожит. От гнева. От унижения. От всего этого кошмара.

И я понимаю, что только что увидела его настоящего. Не того, кто пишет, как на тех скриншотах. А того, кто готов был разорвать всё в клочья, но остановился ради меня.

Мои хорошие, а у нас в литмобе вышла новая история:

<https://litnet.com/shrt/bIxf>

Глава 10

Карина

Тишина, повисшая после оглушительного хлопка двери, кажется осязаемой. Она давит на уши, на виски, заполняет собой каждый сантиметр пространства. Мы оба застыли посреди коридора, словно два уцелевших солдата на разгромленном поле боя.

Моя рука все еще сжимает его ладонь, и я чувствую под пальцами бешеный ритм его пульса, который теперь лишь начинает понемногу сбавлять обороты, уступая место тяжелой, усталой дрожи.

Он первым решается нарушить это гнетущее молчание. Его голос хриплый, но в нем нет и тени той ярости, что бушевала здесь минуту назад. В нем усталое, почти апатичное спокойствие.

— Прости, что тебе пришлось это увидеть и услышать, но после слов твоего отца, я не мог промолчать, — говорит он, и в его глазах читается сожаление. — Никто не должен становиться свидетелем такого... цирка. Особенно ты. Особенно после того, что ты и так пережила, живя с ними.

Я качаю головой, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Ненависть? Нет, ее нет. Есть что-то другое, щемящее. Горькое понимание, пробивающееся сквозь толщу шока и обиды.

— Мне жаль, что тебе пришлось это пережить, — выдыхаю я, и мой собственный голос звучит чужим и надтреснутым. — Эти оскорбления... эта пощечина... Я... я не знала, что мама способна на такое.

Он медленно поворачивается ко мне всем корпусом. Алая отметина на его щеке кажется осуждающим клеймом, шрамом, оставленным не на его коже, а на чем-то гораздо более хрупком, на тех призрачных нитях, что еще связывали меня с моей семьей.

— Ты... ты ненавидишь меня сейчас за то, что я позволил себе сорваться на них? На твоих родителей. За то, что высказал им все, что думал? — его вопросы повисают в воздухе, тихие и осторожные, будто он боится спугнуть мой ответ.

Я снова качаю головой, на сей раз более решительно. Ненависть слишком простое чувство. Слишком яркое. То, что я ощущаю, сложнее, мутнее. Это осадок стыда, горечи и болезненного прозрения за собственных родителей.

— Нет, — шепчу я. — Но я... я вижу. Наконец-то вижу. И понимаю кое-что. Ты... ты никогда не говорил со мной об этом. О том, как я... о том, что я не доверяю мужчинам. О том, как я всегда жду подвоха. Ты никогда не упрекал меня за это. Ни разу. Ни взглядом, ни словом ты не давал мне понять, что видишь мои страхи и сомнения.

Он мягко, почти невесомо высвобождает свою руку из моей. Его пальцы, теплые и твердые, поднимаются к моему лицу, медленно, давая мне время отстраниться, но я не отстраняюсь. Его большой палец осторожно скользит по моей щеке, отводя выбившуюся прядь волос за ухо. Этот простой, интимный жест заставляет что-то сжаться глубоко внутри.

— Осуждать тебя? Говорить о том, с чем тебе и так сложно бороться? — он произносит это с легким недоумением, будто это лишено всякого смысла. — За что, Карин? За то, что ты, как ребенок, научившийся ходить по шаткому полу, инстинктивно ищешь опору там, где ее нет? За то, что единственная модель отношений, которую ты видела перед собой годами, была построена на песке предательства и молчаливого согласия?

Его слова, тихие и размеренные, бьют прямо в цель, в самую сердцевину той боли, о которой я сама боялась думать. Он не обвиняет. Он объясняет. И в этом объяснении бездонное, почти невыносимое сострадание.

— Это не ты не доверяешь, — продолжает он, пока его глаза неотрывно удерживают мой взгляд. — Это не твое “я”. Это тот фундамент, который заложил в тебя твой отец. Ты смотрела

на эту... на эту пародию семьи и подсознательно приняла ее за норму. Ты видела, как любовь и уважение заменяются удобством и ритуалами, и решила, что так и должно быть. Именно поэтому мы так долго шли к нашему дню. К свадьбе. Каждый твой шаг ко мне был победой над тем призраком, что сидел в тебе и шептал: “Не верь. Все мужчины одинаковы. Он тебя предаст”.

Слезы, которые я так яростно сдерживала, наконец, подступают, горячие и соленые. Они не льются потоком, а просто застилают глаза, делая его образ расплывчатым.

— И именно поэтому ты страдаешь сейчас. Поэтому тебе сложно. Перед тобой на одну чашу весов встала твоя родная сестра, которой ты доверяла всю свою жизнь, а на вторую я. Мужчина, в котором ты так долго сомневалась из-за своих родителей. И я не осуждаю тебя за то, что ты мечешься между нами. Потому что понимаю, насколько тебе сейчас тяжело, — его голос становится еще тише, почти шепотом, полным такой пронзительной нежности, что мне хочется закричать. — Внутри тебя воюют два солдата, Карина. Твое сердце, которое знает меня, которое чувствует правду. И твой разум, который заточен под другую, уродливую реальность. Ты не можешь просто взять и вычеркнуть то, что было твоей правдой почти всю жизнь. Эти паттерны... эти нейронные дорожки, протоптанные годами наблюдений... они и есть причина той бури, что бушует в тебе сейчас. И я..., — он делает паузу, и в его глазах я вижу невероятную, всепоглощающую ясность, — я не виню тебя за это. Ни на секунду. Ни на одну проклятую секунду.

В его словах нет ни капли упрека. Только понимание. Глубокая, травмирующая эмпатия, которая раскалывает мою защиту на тысячи острых осколков и обнажает незаживающую рану. Я чувствую, как что-то внутри меня ломается, тает под теплом его взгляда.

И в этот самый момент, когда я готова либо рухнуть на колени, либо броситься ему в объятия, на диване резко и бесцеремонно вибрирует мой телефон, издавая пронзительный, требовательный писк.

Звук кажется неестественно громким в наступившей тишине. Я вздрагиваю, разрывая этот хрупкий, исцеляющий контакт. Он замирает, и все его тело мгновенно напрягается, взгляд становится острым, настороженным, как у зверя, учувшего опасность.

Словно в замедленной съемке, я подхожу к дивану и поднимаю телефон. Экран светится, и на нем словно приговор горит имя: “Любимая сестренка”. В горле встает ком.

Я проглатываю его и читаю сообщение вслух. Мой голос ровный, почти бесстрастный, но внутри все сжимается в тугую, болезненный узел.

“Карина, родная, я только что узнала, что родители были у вас дома. Боже, мне так жаль, что ты оказалась в центре этого урагана из-за меня. Нам нужно срочно встретиться. Лично. Без лишних глаз и ушей. Нам нужно все обсудить. Я должна тебе еще кое-что объяснить и показать. Пожалуйста”.

— Прости, — говорю я, поднимая на него глаза и встречая его тяжелый, изучающий взгляд. — Но я... я должна разобраться во всем этом. Дойти до самой сути. Лично. Глаза в глаза.

Он делает шаг ко мне, его лицо становится жестким.

— Я пойду с тобой, — заявляет он, и в его тоне слышится не предложение, а решение. — Она не сможет врать и вертеть тобой, пока я буду рядом. Она не посмеет.

— Нет, — мой ответ вырывается быстрее, чем я успеваю его обдумать, но он звучит удивительно твердо, оставляя место для сомнений. — Это моя сестра, Женя. Моя кровь. И этот выбор, верить ей или нет, простить или оттолкнуть — он мой. Моя ответственность. Я не могу... я не хочу прятаться за твоей спиной. Не в этом. Не сейчас.

Он замирает, его глаза впиваются в меня, сканируя, ища слабинку, неуверенность. Я вижу, как в его взгляде борются тревога, желание защитить и... уважение. Чистое, безоговорочное уважение к моему решению.

— Хорошо, — наконец выдыхает он, и его плечи слегка опускаются, будто с них сняли невидимый груз. — Но ты берешь машину. И твой телефон, — он указывает на аппарат в моей руке, — он всегда должен быть на связи. Ты отвечаешь на мои сообщения. Сразу. Это не обсуждается.

Я киваю, понимая, что это не проявление тотального контроля. Это его единственный возможный в этой ситуации способ заботы. Его способ быть рядом, протянуть руку через ту пропасть, в которую я сейчас добровольно шагаю.

— Я буду ждать, — его слова летят мне вслед. Просто. Твердо. Без пафоса и лишних эмоций. Как клятва. Как обещание, которое не может быть нарушено.

Я открываю входную дверь и выхожу на лестничную площадку. Холодный воздух бьет в лицо, заставляя вздрогнуть. Но внутри, сквозь ледяющий ужас и путаницу мыслей, пробивается странное, четкое чувство решимости. Я должна посмотреть ей в глаза.

Услышать не только слова, но и отзвук правды или лжи в ее голосе. Я должна отделить зерна от плевел, какой бы горькой и неприглядной ни оказалась итоговая правда. И я сделаю это сама. Потому что только так я смогу собрать обратно осколки своего мира. Или окончательно похоронить его.

Глава 11

Карина

Дорога до кафе пролетает в тумане. Я сжимаю руль так, что пальцы затекают, но внутри царит странное, ледяное спокойствие. Мысли, которые раньше метались, как перепуганные птицы, теперь выстроились в четкую, неумолимую линию.

Он не мог. Эта простая, ясная мысль звучит в такт работе двигателя. Он не мог так поступить. Я вспоминаю его глаза, когда он смотрел на скриншоты. И в них читалась не вина. Не страх разоблачения. А шок. И ярость. Чистая, незамутненная ярость от того, что его в чем-то подобном обвиняют.

Кафе оказывается невзрачным, затерянным на окраине улицы. Это странно. София всегда тянулась к блеску, к дорогим интерьерам, к тому, чтобы быть на виду.

Ради чего? — проносится в голове.

Чтобы сыграть роль бедной, несчастной жертвы? Чтобы вызвать у меня жалость?

Я захожу внутрь. Воздух пахнет застоявшимся кофе и дешевым освежителем. И вот она. Сидит у окна, сгорбившись над столиком, и театрально промокивает глаза бумажной салфеткой. Увидев меня, она делает вид, что вздрагивает, и пытается натянуть на лицо дрожащую улыбку.

— Карина..., — ее голос звучит слабо, с надломом. — Ты пришла. Я так боялась, что ты не захочешь меня видеть.

Я молча сажусь напротив. Не раздеваюсь. Не заказываю кофе. Просто смотрю на нее.

— Я не знаю, с чего начать, — она пускает слезу, которая катится по щеке с отточенной точностью. — Это все такой кошмар... Я не хотела причинять тебе боли, клянусь!

Я слышу эту ее заученную фразу уже в сотый раз и ничего не чувствую. Потому что в ее глазах нет ни капли раскаяния или сожаления за то, что она сделала.

— Но причинила, — говорю я ровно. — Целенаправленно. В день моей свадьбы. Даже не накануне.

— Он сам во всем виноват! — она вдруг оживляется, ее глаза наполняются якобы праведным гневом. — Он ведь такой... такой настойчивый! Ты же сама знаешь! Помнишь, как он год ухаживал за тобой, не отступал. Вот и ко мне пристал с той же настойчивостью!

Я молчу, давая ей выговориться. Она, воодушевленная, продолжает вплетая в свой вымысел реальные, узнаваемые детали. Касаемые его внешности, особенностей тела, которые скрыты ото всех. Это ранит, задевает за живое.

— Сначала это были просто взгляды. Долгие. Потом... “случайные” прикосновения к руке, когда мы все вместе ужинали. А однажды..., — она опускает глаза, будто ей стыдно, — он подошел ко мне на кухне, когда ты принимала душ. Он стоял так близко... Говорил, что я совсем не похожа на тебя. Что я более... нежная. Более глубокая. Он лапал меня, Карина.

Меня тошнит от ее слов, но мое лицо остается каменным.

— Я готова показать тебе все! — восклицает она, видя мое безразличие, и с рыданиями хватается за свой телефон. — Вот! Смотри!

Она лихорадочно листает галерею и швыряет телефон на стол передо мной. Фотографии. Сотни фотографий. На одной мы стоим вдвоем. Я, Женя и она, на каком-то семейном празднике и его рука в аккурат лежит на ее талии, а Женя смотрит в камеру и улыбается. Потом видео, снятое ею же, где он наливает ей вино. Еще скриншоты переписок, похожие на те, что она присылала, но более развернутые.

Я смотрю на это. И мне больно. Но не от ревности. А от осознания всей глубины ее лжи. Это так... глупо. Так наигранно. Человек, который по-настоящему любит, который погружен

в роман, не думает о том, чтобы постоянно делать скриншоты и снимать видео “на память” с женихом родной сестры. Он живет моментом. А она... она собирала “улики”. И это очевидно.

— И ты говоришь мне об этом сейчас? — спрашиваю я, спокойно отодвигая от себя ее телефон. — Почему не раньше? Не месяц назад? Не два?

— Я думала, ты сама все увидишь! — она хлопает себя в грудь. — Но когда поняла, что ты все же стала его женой... я не смогла молчать! А он... он просил не говорить! Говорил, что все сам тебе расскажет! Но я не могу лгать, когда у меня под сердцем бьется сердце его ребенка! Ему нужен отец, Карина.

Я смотрю на свою сестру. Столько лет вместе. Столько общих секретов, смеха, слез. И сейчас она говорит мне такое. В ее глазах непробиваемая уверенность в своей роли несчастной жертвы.

— Хорошо, — говорю я, и мой голос звучит тихо, но он режет воздух, как лезвие. — Раз ты говоришь, что не виновата, и он все сам, тогда... Может, ты объяснишь мне одну интересную вещь?

— Какую? — она смотрит на меня с наигранной наивностью. — Я готова рассказать тебе все, как есть.

— Как ты легла с ним в кровать? — я наклоняюсь ниже, через стол, так, чтобы слышала только она. — Ты же не скажешь, что он не только виновник и соблазнитель, но и насильник?

— Н-нет, он не... Карина...

— Хорошо, я готова в это поверить, — перебиваю ее. — Ты сдалась его чарам. Но знаешь, я вспомнила одну поговорку. Старую, не очень красивую, но очень важную в нашей ситуации, — она смотрит на меня своими заплаканными глазами. — Сука не захочет, кобель не вскочит.

Ее лицо искажается в идеально сыгранном шоке. Она отшатывается, прижимая руку к груди.

— Карина! — ее шепот полон фальшивого ужаса. — Что ты несешь! Я не такая! Да я бы никогда так с тобой не поступила! Я же знаю, как ты его любишь! Он же единственный, кого ты к себе так близко подпустила! Я все это видела! Я просто... я боялась все разрушить между вами! Ты же и так тяжело сходишься с людьми, а тут такой удар...

— А сейчас не боишься? — резко перебиваю ее. — Облив его и меня грязью на нашей же свадьбе, ты не боялась разрушить все?

— Карина, я же тебе говорю, что просто не могу больше молчать! — слезы снова начинают катиться по ее щекам. — Ты разве не понимаешь? А что было бы дальше? Я бы родила, солгала бы тебе, что мой мужчина сбежал, и что дальше? Каждый день ты бы смотрела на своего племянника или племянницу, нянчила бы его на своих руках, а я и твой муж хранили бы грязную тайну о том, что он наш?

Ее слова такие отточенные, такие продуманные, что по ним видно... она репетировала этот монолог.

— Ты же знаешь, что я тебе никогда не лгала, Карина, — она смотрит на меня умоляюще.

— Я не знаю, но я верила в то, что ты никогда не лгала, Соф, — говорю я, вставая. — Но сейчас все иначе.

Она вскакивает на ноги, ее лицо искажается обидой и гневом.

— Хочешь сказать, что ты поверишь своему мужу-изменщику, а не своей родной сестре?!

— Я хочу сказать, что я не делаю выводов только потому, что ты принесла мне тест и сказала, что твой ребенок от моего мужа.

— Но ты же... ты же поверила мне! В день свадьбы! Я видела! И фото, видео, переписки. Вот, — она трясущимися руками снова протягивает мне телефон. — Посмотри еще раз!

— Считаю, что на свадьбе это были эмоции, —жимаю я плечами, сохраняя ледяное спокойствие. — Шок. Боль. Сейчас эмоции улеглись. А что до твоих записей и фотографий. Их с легкостью можно подделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.